

УДК 94(47).034.

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.337.353>

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОЙ РАТИ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

©2020 г. В.В. Пенской

Куликовская битва 8 сентября 1380 г. по праву считается одним из известнейших сражений русской военной истории. В тот день русская рать под началом великого князя московского и владимирского Дмитрия Ивановича нанесло сокрушительное поражение войску могущественного ордынского темника и некоронованного властителя немалой части Золотой Орды Мамай. В последующие десятилетия усилиями нескольких поколений русских книжников сложился «куликовский миф», нашедший свое отражение в произведениях, летописных и литературных, «куликовского цикла». Этот миф оказал колоссальное влияние на последующую традицию изучения Куликовской битвы и кампании 1380 г. в отечественной исторической литературе. В данной статье автор предлагает взглянуть с учетом новых тенденций и методик в изучении русского венного дела эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени на одну из составляющих этого «мифа» – бытующие в научной и в особенности в популярной литературе «тьмочисленные» оценки численности русского войска, давшего в тот день бой ордынцам. На основе имеющихся прямых и косвенных свидетельств автор приходит к выводу, что полки Дмитрия Ивановича на Куликовом поле насчитывали порядка 10-12 тыс. конных воинов.

Ключевые слова: военное дело, Русь, Золотая Орда, Куликовская битва, Дмитрий Донской, Мамай

REVERTING TO THE ISSUE OF THE NUMBER OF RUSSIAN ARMY ON THE KULIKOVO FIELD

V. V. Penskoj

The Battle of Kulikovo on September 8, 1380 is rightfully considered one of the most renowned battles of Russian military history. That day, the Russian army under the command of the Grand Duke of Moscow and Vladimir, Dmitry Ivanovich, inflicted a crushing defeat on the army of the powerful Horde temnik and the uncrowned ruler of a large part of the Golden Horde Mamai. In the following decades, through the efforts of several generations of Russian scribes, the "Kulikovo myth" was created, which has been reflected in the works, chronicles and literary sources of the "Kulikovo cycle". This myth has had a tremendous influence on the subsequent tradition of studying the Battle of Kulikovo and the campaign of 1380 in Russian historical literature. In this paper, the author proposes to take a new look, with due account of the new trends and methods of studying Russian military affairs of the late Middle Ages - early modern times, at one of the components of this "myth" - the estimates of the "numerous" number of Russian troops which exist in scientific and especially popular literature, who gave battle to the Horde that day. Based on the available direct and indirect evidence, the author comes to a conclusion that Dmitry Ivanovich's regiments on the Kulikovo field amounted to about 10-12 thousand horse soldiers.

Keywords: warfare, Russia, Golden Horde, Battle of Kulikovo, Dmitry Donskoy, Mamai

Сражение на Куликовом поле 8 сентября 1380 г., вне всякого сомнения, относится к числу наиболее известных битв русской военной истории. Наряду с такими баталиями, как Ледовое побоище, Полтавская виктория и Бородинская битва, она является неотъемлемой частью национальной мифологии, что, впрочем, и не мудрено, ибо одним из краеугольных камней мифа о Куликовской битве как составной ее части является тот, который в лаконичной, но вместе с тем образной манере был выведен Л.В. Гумилевым в его нашумевшей в свое время книге «От Руси к России»: «Сыздальцы, владимирцы, ростовцы, пско-

вичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах...» (Гумилев, 1992, с. 164).

Другим, не менее важным «камнем» Куликовского мифа является представление о ней как о грандиозном побоище поистине эпического размаха, чуть ли не Армагеддоне, имевшим судьбоносное значение для русской (и не только) истории. И здесь, пожалуй, лучше всех высказался патриарх отечественной исторической мысли С.М. Соловьев. «Куликовская битва ... была знаком торжества Европы над Азией; – писал он, – она имеет

в истории Восточной Европы точно такое же значение, какое победа Каталонская (битва на Каталаунских полях в 451 г. – В.П.) и Турская (сражение под Пуатье в 732 г. – В.П.) имеют в истории Европы Западной, и носит одинакий с ними характер, **характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азией, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос – которой из этих частей света восторжествовать над другою?** (выделено нами – В.П.)...» (Соловьев, 1988, с. 278).

Мы преднамеренно заострили внимание на этом месте цитаты, заимствованной из мону-ментального труда великого русского историка. Между реальным сражением, которое имело место 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле между русской ратью, составленной их полков великого князя московского и владимирского Дмитрия Ивановича и союзных ему русских князей, с одной стороны и разноязыким воинством ордынского Titanus'a (Почекаев, 2010, с. 60), всемогущего (как казалось) беклярибека Мамаю, господина немалой части западного крыла Золотой Орды, и его образом, нарисованным русскими книжниками много лет спустя самого события, есть «дистанция огромного размера». Многие поколения русских историков, а вслед за ними читателей их работ, научных и научно-популярных, попали под обаяние средневековой русской «Куликовиады» и заложили основы традиционного образа Куликовской битвы и его трактовки в духе, обрисованном несколькими смелыми штрихами С.М. Соловьевым.

Эта традиционная и, к сожалению, изрядно мифологизированная картина Куликовской битвы и событий, ей предшествовавших, картина, хорошо известная из учебников и популярной литературы, в значительной степени сложилась, прежде всего, под влиянием таких без преувеличения значимых произведений русской средневековой книжности, как «Задонщина» и в особенности «Сказание о Мамаевом побоище» – «священной» книги юбилейных исторических интерпретаций» (по меткому выражению А.Е. Петрова (Петров, 2003, с. 26)). Последние мало того что никак не могут быть отнесены к документальным источникам, но являются воинским повестями, литературно-художественными произведениями. Их авторы если и думали об исторической точности и скрупулезности в отражении описываемых ими событий, то явно не в первую очередь. Л.А. Дмитриев,

посвятивший немало времени исследованию «Сказания», отмечал в этой связи, что этот памятник – «**книжно-риторическое** произведение и по всему характеру своему, и по стилю, это произведение с **ярко выраженной церковно-религиозной окраской** (выделено нами. – В.П.)...» (Сказания и повести о Куликовской битве, 1982, с. 347). Потому-то, когда И.Н. Данилевский пишет о том, что «почти все, что мы с детских лет помним о Куликовской битве, восходит к источнику позднему и весьма ненадежному», так как, «возникнув через столетие после описываемых событий, «Сказание» не могло «достоверно» изображать «Мамаево побоище», тем более что «создатель этого произведения вовсе не соби-рался готовить «отчет» об этом событии», есть все основания согласиться с историком (Данилевский, 2001, с. 274). Конечно, можно предположить вслед за академиком М.Н. Тихомировым, что в основу того же «Сказания» были положены некие тексты, «восходящие по происхождению к очень раннему времени», и лишь «позднейшие наслоения церковного характера исказили первоначальный памятник московской поэзии XIV в, и только под верхними слоями мы различаем его жизнерадостную и светлую основу, гражданский, светский характер, типичный для московской литературы времен Дмитрия Донского» (Тихомиров, 1992, с. 167, 170). Но даже в этом случае памятник поэзии никак не может полагаться документом, первичным источником, содержащим совершенно точные и объективные (насколько это возможно) сведения о сражении, которые возможно некритично использовать для описания тех давних событий.

Но, быть может, в лучшую сторону от «Задонщины» и «Сказания...» отличаются летописные тексты, повествующие о Куликовской битве? Однако и здесь приходится констатировать, что они столь же малоинформативны и недостаточно надежны, в особенности в той их части, что касается характеристики собственно военных аспектов, тактических прежде всего (численность ратей, боевой порядок и т. п.), Куликовской битвы, как и литературные памятники.

Не вдаваясь, как и в случае с литературными памятниками Куликовского цикла, в подробный и тщательный анализ летописных повестей об этом событии (это не входит в первостепенную нашу задачу, ибо заслуживает отдельного весьма обстоятельного исследова-

дования и к тому же был уже неоднократно проделан до нас другими исследователями (Амелькин, Селезнев, 2010, с. 8–93), отметим лишь ряд важных, на наш взгляд, особенностей. Собственно говоря, летописные «повести» о Куликовской битве могут быть разделены на две группы. Первую из них составляет наиболее близкая по времени составления к 1380 г. ранняя, краткая «редакция». В основу ее был положен, видимо, текст, который содержался в т. н. Троицкой летописи, датированной обычно 1408/1409 гг. (или некое более раннее повествование, составленное в конце XIV в. (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 26–27)). Несколько позднее (вероятно, в 1-й четверти XV в.) была составлена т. н. «Летописная повесть о Куликовской битве». Этот текст дошел до нас в составе нескольких летописей, наиболее ранними из которых считаются Софийская I летопись, Новгородская IV и Новгородская Карамзинская.

Однако и краткая «редакция», отраженная в дошедших до нас Рогожском летописце и Симеоновской летописи (ряд исследователей предлагает считать более ранним вариантом рассказа о сражении тексты из т. н. Белорусской I летописи (см., например: Шеков, 2004, с. 13–23) или присоединяют к версии Рогожского летописца и Симеоновской летописи текст, содержащийся в Новгородской I летописи младшего извода (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 15, 26)), и «Летописная повесть...», однако, не дают нам ответа на вопрос, которому, собственно, мы и намерены посвятить это небольшое исследование, а именно – сколько ратников имел под своими знаменами Дмитрий Иванович и союзные ему князья на Куликовом поле ранним утром 8 сентября 1380 г.?

Вопрос этот уже неоднократно поднимался в отечественной историографии, но единого мнения на этот счет так и не сформировалось, хотя, казалось бы, ответ на него в нашем распоряжении есть – памятники Куликовского цикла в этом отношении довольно словоохотливы, равно как художественные, так отчасти и летописные памятники Куликовского цикла. Так, составитель Софийской I летописи старшего извода сообщает нам, что русской «беяше всея силы и всех ратей числом с полтораста тысушь или со двести тысущи» (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 32). Пространная редакция «Задонщины» по Синодальному списку сообщает о 300 тыс. «кованья раты» на русской стороне (Памятники Куликовского

цикла, 1998, с. 100). «Сказание о Мамаевом побоище» в варианте Ундольского и вовсе дает 400 тыс. «кованой рати» (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 159). 400 тыс. «воинства конного и пешего» насчитал в составе русского войска и составитель знаменитой Никоновской летописи (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000а, с. 56). И общим рефреном через все произведения Куликовского цикла идет одна и та же идея, один и тот же тезис – никогда прежде не собиралась на Руси столь великая рать, как в те дни: «Сынове же рустии наступиша великия поля коломенские яко не вместно бе никому же очима прозрети, множество бе людей» (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 158).

Однако на сегодняшний день традиция исчислять русские полки, которые привел Дмитрий Иванович на Куликово поле, многими десятками или даже сотнями тысяч, как это было принято прежде (см., например: Баиов, 1909, с. 48; Рыбаков, 1969, с. 387; Соловьев, 1988, с. 276; Черепнин, 1960, с. 607 и др.), как будто отошла в прошлое (впрочем, попытки возврата к этой версии случаются и по сей день, и не только в популярной литературе, но и во вполне солидных изданиях (Азбелев, 2015, с. 23–29; Журавель, 2016, с. 27)). Начиная с середины минувшего столетия эти оценки стали постепенно пересматриваться в меньшую сторону – сперва до 50–60 тыс. ратников (Разин, 1999, с. 387), а затем и еще меньше. Так, А.Н. Кирпичников в 1976 г. пришел к выводу, что Дмитрий Иванович располагал примерно 36 тыс. воинов, так как войско, насчитывающее 100 или более того тыс. ратников, по его мнению, неизбежно превратится в «неуправляемую толпу людей, только мешающих друг другу» (Кирпичников, 1976, с. 16). В одном из последних исследований, посвященной событиям 1380 г. и их отражению в русской традиции и памяти, совместной работе А.О. Амелькина и Ю.В. Селезнева, Ю.В. Селезнев пришел к выводу, что на Куликовом поле русские полки могли насчитывать не более 30 тыс. бойцов или несколько меньше (Амелькин, Селезнев, 2010, с. 29).

Особняком на этом фоне выглядит мнение С.Б. Веселовского, который еще в 1939 г. отмечал, что при протяженности Куликова поля 5–6 км русское войско насчитывало «во фронте» при условии, что воины стояли плечом к плечу, около 5–6 тыс. чел. (Веселовский, 1978, с. 268). Впрочем, здесь есть нюанс – судя по

контексту, историк имел в виду гипотетическую численность только первого ряда, а дальше общая численность могла варьироваться в весьма широких пределах в зависимости от числа шеренг в боевом построении.

В последние годы обозначилась тенденция к дальнейшему пересмотру оценок численности войска Дмитрия Ивановича в сторону уменьшения. Собственно, проблема пересмотра прежних оценок численности русских ратей эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени, содержащихся в историческом нарративе, была поднята в ходе дискуссии, прошедшей в 2009 г. на страницах журнала «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*» («...и бе же их столько, еже несть числа», 2009, с. 45–150). И хотя в ходе этого обсуждения между его участниками были выявлены противоречия по поводу отдельных аспектов проблемы, тем не менее практически все они сошлись на том, что безоглядно доверять сведениям нарративных источников вне зависимости, будут ли они русским или иностранными, не стоит. И связано это не в последнюю очередь с тем, что эти «тьмочисленные» оценки разрушаются при столкновении с жестокой реальностью войны – а хоть бы и проблемами управления и снабжения «тьмочисленных» ратей в ходе похода и сражения (что не берется в расчет сторонниками доверительного отношения к летописным сведениям). В целом же эта дискуссия оказалась весьма полезной и продуктивной (хотя, к сожалению, и осталась достоянием узкого круга интересующихся и занимающихся изучением проблем истории русского военного дела раннего Нового времени) с точки зрения выработки новых подходов и методов к разрешению такой несомненно важной проблемы, как оценка численности русских ратей того времени.

Развивая тезисы, выдвинутые в ходе дискуссии 2009 г., автор этой статьи в 2011 г. опубликовал в сборнике «Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения», в котором были собраны материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума в Казани в марте 2011 г., текст, в котором оценил численность русской рати на Куликовом поле в 5–6 тыс. конных воинов (Пенской, 2011, с. 160). А.А. Булычев пошел еще дальше, предположив, что в русском войске утром 8 сентября 1380 г. было порядка 1–1,5 тыс. конных воинов при общей численности всей

рати (вместе с обозной прислугой и «сержантами») около 3–5 тыс. чел. (Булычов, 2010, с. 11–12)

Стоит заметить, что и участники дискуссии 2009 г., и автор этой статьи, и А.А. Булычов, оценивая численность русских ратей ни в коем разе не как «тьмочисленные», апеллировали прежде всего к 1) особенностям комплектования полевых армий в то время, увязывая этот аспект с характером социально-экономического и политического развития русских земель в рассматриваемое время; 2) сложностями организации и снабжения многочисленных ратей в условиях неразвитости административного аппарата; 3) используемыми тактическими приемами. При этом А.А. Булычов отмечал, что в условиях, когда «объективные критерии установления реального числа участников битвы, казалось бы, отсутствуют», «только обращение к проблеме тылового обеспечения войска может привести к положительному результату, показав близкое к действительности число ратоборцев с русской стороны» (Булычов, 2010, с. 11).

Соглашаясь с таким подходом (более того, мы в 2016 г. опубликовали две статьи, в которой рассмотрели проблемы московской военной логистики в раннее Новое время (Пенской, 2016а, с. 85–106; Пенской, 2016б, с. 68–84)). Отметим тем не менее, что все же мы полагаем, что сводить все к одной только логистике, пытаясь определить некие рамочные ограничения численности русских ратей того времени, было бы не совсем верно. Безусловно, при отсутствии соответствующей документации (по примеру тех же разрядных записей более позднего периода) можно вести речь лишь о приблизительных оценках состава воинских контингентов, выставляемых русскими княжествами и землями в позднем Средневековье. Однако учет всех аспектов, характеризующих состояние и уровень развития русского военного дела на тот момент, иначе говоря, комплексный подход к изучению этой проблемы, позволяет, по крайней мере, дать более или менее правдоподобный ответ на вопрос – сколько же воинов привел с собой Дмитрий Иванович на Куликово поле в сентябре 1380 г., отказавшись при этом от слепого следования свидетельствам о «тьмочисленности» русской рати на Куликовом поле, которые присутствуют в историческом нарративе.

Прежде всего, приступая к анализу проблемы, остановимся на разрешении следующей

важной, на наш взгляд, проблемы – а сколько мог мобилизовать Дмитрий Иванович ратных людей летом 1380 г.? Каким был мобилизационный потенциал Великого княжества Владимирского и Московского великого княжества в теории на тот момент и насколько он мог быть реализован на практике?

Увы, точного ответа на этот вопрос мы не знаем и, судя по всему, уже не узнаем. Даже если в Москве (или во Владимире) и имелись соответствующие списки, то до наших дней они не дошли. Остается полагаться лишь на отрывочные сведения, сохранившиеся в летописях и в актовых материалах, и косвенные данные. В 2009 г. автор этих строк предпринял попытку рассчитать мобилизационный потенциал Великого княжества Московского и Владимирского, исходя из имеющихся сведений о размере ордынского выхода, числа «тем» на этой территории и размеров выплат с одного хозяйства (сохи) и пришел к выводу, что здесь могло проживать до 2–2,5 млн. чел. При этом (если принять за основу предложенную Дж. Кипом методику оценки численности «активной» армии в 2% от всей численности населения и 5,5% «теоретического максимума» (Кеер, 1985, р. 88)) за вычетом не участвовавших в кампании 1380 г. тверских, рязанских и нижегородских полков «активная» рать Дмитрия Ивановича могла насчитывать до 25 тыс. бойцов, конных и пеших, а «теоретический максимум» (т.е. общее число боеспособных мужчин от мала до велика) около 70 тыс. Эти результаты были озвучены автором в сентябре 2011 г на заседании круглого стола «Численность противоборствующих сторон на Куликовом поле» в рамках работы научного семинара «Archaeologia Militaris» при Институте археологии РАН. Ю.В. Селезнев, используя в качестве основы те же данные, несколько ранее пришел к выводу, что Дмитрий Иванович как великий князь владимирский и московский мог рассчитывать на 25–30 тыс. всадников и неизвестное количество пеших ратников (см.: Селезнев, 2007, с. 200–206; ср.: Амелькин, Селезнев, 2010, с. 151, 157).

Попробуем все-таки еще раз, используя эту методику, просчитать число «сох» и дальше прикинуть, исходя из известных нам по Пскову 2-й пол. XV в. норм мобилизации конных и пеших бойцов, на какое число воинов мог рассчитывать Дмитрий Иванович летом 1380 г. Псковские летописи показывают, что в конце XV в. псковичи в дальний поход «рубилы» «с десяти сох человек конны», а в ближний – «с

четыреи сох конь и человек». При этом, что любопытно, в пехоту шли наиболее «маломощные» члены «общины» – бобыли и «люди молодии», которые «два третьяго покрутили щитом и сулицами». При этом «чистая» (не ездящая) пехота участвовала только в ближних походах (Псковская 1-я летопись, 2003, с. 76, 81, 84; Псковская 3-я летопись, 2000, с. 251, 252). Поскольку у нас поход предстоял дальний, то, следовательно, набор должен осуществляться по первой «норме», с 10 «сох» всадник. Если исходить из расчетов С.Н. Кистерева, который пришел к выводу, что размер выплат в Орду составлял 1/15 рубля с каждой сохи (Кистерев, 1999, с. 82–83), то при ордынском «выходе» с территории Великих княжеств Московского и Владимирского в 5 тыс. рублей «сохи» и приравненные к ним податные единицы должны были выставить около 7 тыс. или чуть больше конных воинов (из числа мелких вотчинников-«аллодистов», по выражению Ю.Г. Алексева, и княжеских министерялов (Алексеев, 2019, с. 73–74)).

Однако необходимо принять во внимание, что эти 7 тыс. всадников – ополчение, созываемое с «земли», с «черных» (и, возможно, с собственно великокняжеских) волостей (ездящая пехота?), и псковский случай для земель великого княжества что Московского, что Владимирского, будет, по нашему мнению, все же нехарактерен, ибо основу ратей, что выставляли русские княжества в эту эпоху, образовывали конные княжеские «дворы» и «городовые» «полки». Последние же представляли собой конные отряды местных вотчинников – княжеских вассалов, бояр и детей боярских вместе с их слугами. С.З. Чернов, описывая один из таких отрядов, который собирался в станах, «тянувших» к Волоку Ламскому, характеризовал его как отличавшийся высокой боеспособностью, поскольку «объединенные родовыми связями, верностью сюзерену и общими интересами по защите своих обширных вотчинных владений, волоцкие землевладельцы, служившие московским князьям, выступали достаточно сплоченно» (Чернов, 1998, с. 310).

Численность княжеских «дворов» и «городовых полков» во 2-й половине XIV – XV вв. – вопрос, который в отечественной историографии практически не рассматривался, и связано это, очевидно, с неудовлетворительным состоянием источников по этому вопросу. Имеющиеся летописные сведения позволяют (на данный момент) лишь соста-

вить общее представление о том, сколько примерно бойцов могли выставить князья и «городовые» «корпорации». Приведем некоторые общеизвестные цифры, кочующие из одной публикации в другую. Один из самых известных такого рода примеров – летописная оценка численности рати, во главе которой великий князь Василий II в 1445 г. вступил в бой с татарскими «царевичами» под Суздаlem. Накануне сражения соединенное войско Василия и его «молодшей братьи», князей Ивана и Михаила Андреевичей (Можайский и Верейский уделы) и Василия Ярославича Серпуховского, пришедших на помощь к великому князю «с малыми людьми», насчитывало менее 1 тыс. всадников («яко ни тысящу» (Софийская вторая летопись, 2001, стб. 104–105)). В итоге выходит, что княжеские «дворы» насчитывали в этом случае примерно по 200–300 всадников. С 500 всадниками князь Дашко Острожский в 1418 г. освободил из заключения в Кременце князя Свидригайлу (Симеоновская летопись, 2007, с. 165). 300 всадников «кованой рати» «опричь кошовых» имел литовский князь-кондотьер Александр Чарторыйский в 1461 г., когда он съехал со псковской службы, не желая присягать великому московскому князю (Псковская 1-я летопись, 2003, с. 58). В 1436 г. князь Дмитрий Шемяка, двоюродный брат Василия II, имел в составе своего «двора» примерно 500 всадников (Ермолинская летопись, 2004, с. 149). Для сравнения – согласно Устюжской летописи, зимой 1446/1447 гг. казанские татары подступили к Устюгу и отошли от города, получив выкуп «11 000 денег и всякую рухлядь», и было тех татар 700 человек, «а все царев двор» (Устюжская летопись, 1982, с. 88).

Отнюдь не «тьмочисленными» были и «городовые» «полки». Так, в ночь перед боем под Суздаlem к великому князю присоединился воевода Алексей Игнатьевич Жеребцов, приведший примерно полтысячи конных воинов из Владимира (очевидно, это и был владимирский «городовой» «полк» (Софийская вторая летопись, 2001, стб. 104–105)). Волоцкая военно-служилая «корпорация», по расчетам С.З. Чернова, насчитывала примерно 460 всадников (равно «городовых и служащих великому и удельным князьям» (Чернов, 1998, с. 310)). Другой, не менее характерный пример – в начале 1445 г., в ответ на предпринятый по указу Василия II набег татарских «царевичей» на литовские владения литовская рать вторглась в русские

земли и на р. Суходрови была встречена спешно выступившими ей навстречу жогайцами, верейцами, серпуховичами и боровлянами, которых, согласно летописям, насчитывалось от 300 до 500 всадников (правда, здесь надо иметь в виду, что это были второразрядные отряды, ибо главные силы этих удельных княжеств к тому времени были в походе против татар) (см.: Ермолинская летопись, 2004, с. 60; Московский летописный свод конца XV века, 2004, с. 395). И снова для сравнения – в 1426 г. псковичи послали на помощь осажденной великим князем литовским Витовтом Опочке 50 «муж снастной рати». В том же году посадники псковские Селивестр Леонтьевич и Федор Шибалкинич «с дружиною своею», «400 муж», ходили на литовскую рать под Котельно и побили неприятеля (Псковская 1-я летопись, 2003, с. 36).

Таким образом, сохранившиеся в летописях свидетельства относительно численности княжеских «дворов» и «городовых» «полков» отнюдь не рисуют нам картины их «тьмочисленности». И когда, к примеру, пространная редакция «Задонщины» по списку ГИМ сообщает нам о том, что братья Ольгердовичи, Андрей и Дмитрий, явились к Дмитрию Ивановичу с «храбрые Литвы 70000», и даже «7000 окованные рати» братьев Ольгердовичей из пространной редакции все той же «Задонщины» по списку В.М. Ундольского все равно смотрятся совершенно неправдоподобно, являясь явным эпическим преувеличением (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 114, 127). 200, 300, 500 конных воинов или несколько больше – вот, пожалуй, тот более или менее реальный верхний предел, больше которого ни князья, ни «города» располагать не могли ни под какими условиями. Следовательно, зная примерный состав и структуру рати Дмитрия Ивановича, можно попробовать определить ее примерную максимальную численность.

Работу по определению состава русского войска, которое пришло на Куликово поле в сентябре 1380 г., выполнил А.А. Горский, и к его расчетам мы и обратимся, взяв их за основу. Тщательно проанализировав сведения об «уряжении полков», что содержатся в «Сказании о Мамаевом побоище» и Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского (Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского, 2004, с. 134; Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 149, 159), он пришел к следующим выводам. Прежде всего, «уряжение полков», содержащееся в новгородской летописи, если

«и является позднейшей «реконструкцией», то реконструкцией весьма искусной (в отличие от «реконструкций», предпринятых в «Сказании о Мамаевом побоище», которые выдают себя анахронизмами) и, вероятно, близкой к реальности» (Горский, 2004, с. 260). Согласно же этой «реконструкции», кроме самого Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича, участвовали еще 11 князей без учета братьев Ольгердовичей (Горский, 2004, с. 258–259). В сумме это может дать примерно 3,5–5 тыс. всадников «кованой рати». Кроме того, по расчетам А.А. Горского, в походе участвовали 16 «городовых» «полков» с территории великого княжества Владимирского и Московского (еще около 5–8 тыс. всадников) и, возможно, «городовые» «полки» из 9 удельных княжеств – т. е. еще примерно 3–4,5 тыс. всадников (Горский, 2004, с. 264).

Итого выходит, что верхней планкой, выше которой численность русского войска на Куликовом поле будет выглядеть, мягко говоря, чрезмерной и фантастической, будет 11,5–17, 5 тыс. конных латников, усреднено – около 14–15 тыс. всадников. При этом мы преднамеренно не берем в расчет «посошную рать» – для операции, предпринятой Дмитрием Ивановичем, она будет малопригодна по причине недостаточной выучки, вооруженности и способности переносить дальние марши (собираемая от случая к случаю, она явно уступала по боеспособности княжеским «дворам» и «городовым» «полкам», и об этом и сам Дмитрий, и его воеводы были хорошо осведомлены). В еще большей степени это касается пехоты – мы считаем верным наблюдение, сделанное В.А. Кучкиным. Тридцать лет назад он писал, что русская рать в кампанию 1380 г., несомненно, была конной, ибо, во-первых, «ни один из ранних памятников Куликовского цикла не сообщает о пешей русской рати», ибо «впервые она упоминается в рассказе о Куликовской битве Никоновской летописи конца 20-х – начала 30-х годов XVI в»; а во-вторых, краткие сроки мобилизации (полторы две недели) не позволяли собрать в Москве пешие отряды из отдаленных княжеств (Кучкин, 1980, с. 13). Добавим к этому, что пехота, в еще меньшей степени подготовленная и обученная, чем «посошная» конница, в столь дальнем походе, как куликовский, была бы еще большей обузой и только создавала бы проблемы конной рати своей медлительностью и неповоротливостью.

Впрочем, на самом Куликовом поле пехота могла присутствовать. Среди находок оружия, сделанных в ходе изысканий на Куликовом поле, имеется наконечник по меньшей мере одной рогатины, которая была на вооружении русских пещцев (Реликвии Донского побоища, 2008, с. 15, 49). Но роль пехоты здесь вполне могли сыграть спешенные всадники «городовых» «полков» и княжеских «дворов» – эта практика была распространена не только на Западе, где в ходе бушевавшей Столетней войны рыцари с обеих враждующих сторон неоднократно спешивались, но и на Руси. Кстати, стоит заметить, что в XVI в. рогатина как предмет вооружения всадника встречается и в Великом княжестве Литовском, и в Русском государстве (см., например: Пенской, 2–18, с. 231–232; Литовская метрика, 1915, стб. 469–470).

И еще один веский довод в пользу того, что «посошная» рать и пехота не были взяты в поход. В.А. Кучкин подметил, что, несмотря на то, что Дмитрий как будто созвал под свои знамена все силы, тем не менее, согласно той же «Летописной повести...», «на Москве остави воевод своих» (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 70). И хотя в повести назван по имени лишь один воевода, Федор Андреевич (по предположению С.Б. Веселовского, которое поддержал В.А. Кучкин – боярин Ф.А. Свибло (Веселовский, 1969, с. 54)), тем не менее сам строй фразы предполагает, что в столице был оставлен довольно крупный гарнизон. Напрашивается предположение, что основу его как раз и составляла «посошная» рать, усиленная «дворами» оставленных на хозяйство в Москве бояр – та же «свиблова чадь», известная нам по новгородским летописям (Новгородская четвертая летопись, 2000, с. 341). Малопригодные для полевого сражения, «посошные» пехота и конница отлично подходили для обороны городов и в этом качестве легко могли заменить более боеспособные «первоочередные» отряды – княжеские и боярские «дворы» и «городовые» «полки». Необходимость оставления приличных гарнизонов в главных городах великого княжества, в особенности по Оке и ее притокам, очевидна, поскольку беззащитные (в случае тотальной мобилизации всех, кто способен держать оружие) русские города были весьма уязвимы от неожиданного нападения неприятеля, неважно, татар или литовцев. И даже если сам Дмитрий Иванович попробовал бы поступить таким образом,

его вассалы и ближайшее окружение вряд ли позволили бы ему это сделать.

Итак, подведем промежуточный итог нашим размышлениям. Исходя из называемых в источниках значений для численности княжеских «дворов» и «городовых» «полков», а также из вероятного состава русской рати в начале сентября 1380 г., а также из характера мобилизации (дальний поход и предполагаемое «прямое дело» с неприятелем в поле, где татарская рать, состоящая в значительной степени из легкой конницы, имела бы несомненное преимущество в маневре и подвижности над русской, если бы та имела в своем составе пехоту), предполагаем, что по максимуму войско Дмитрия Ивановича могло иметь примерно 14–15 тыс. всадников без учета обозной и прочей прислуги.

Однако в этой связи возникает другой вопрос – указанное число выходит, если предположить, что и «дворы», и «городовые» «полки» всели в седло в своем полном, «списочном» составе и все, без изъятия, в назначенный срок явились на место сбора и оттуда выступили на Куликово поле. Однако такой подход нам представляется маловероятным. Прежде всего это связано с особенностями самого механизма сбора войск в эпоху Средневековья, существенно отличавшегося от того, который был присущ армиям Нового времени. Здесь стоит привести любопытное наблюдение, сделанное отечественным исследователем Д.И. Уваровым. В 2003 г. он писал, что «власть средневекового короля была следствием «добровольного соглашения» феодалов и держалась лишь до тех пор, пока большинство ее признавало хотя бы пассивно, а меньшинство готово было поддержать активно, по приказу короля расправляясь с каждым из ослушников. Когда король принадлежал к утвердившейся династии и его авторитет носил «сакральный», безусловно признанный характер, столь же безусловно признавалось и его право на исполнение его приказов подданными, от простолюдина до герцога. Это теоретическое право превращалось в практическое, когда король обладал и **личным авторитетом, твердым характером, опытом, знанием феодального права, взаимоотношений между вассалами и умением находить нужный тон с ними** (выделено нами – В.П.)...» (Уваров, 2004, с. 32).

Заменив в этой цитате «король» на «великий князь», мы вполне можем приложить вышесказанное к русским реалиям конца XIV

в. Дмитрий Иванович мог собрать войско ровно столько, сколько были согласны выставить его «молодая братья», и ничуть не больше – заставить их «всесть в седло» против их желания у него не было реальных возможностей, административных и иных. Более или менее он мог полагаться только на собственные ресурсы, ибо до завершения в общих чертах военной централизации на территории северо-восточной Руси и формирования общерусской армии под единым военно-политическим руководством было еще по меньшей мере столетие.

Однако если исходить из того, что авторитет Дмитрия Ивановича летом 1380 г. было достаточно высок (а, похоже, дело обстояло именно так – моральный капитал, накопленный им за последние пять лет, с момента победы над Михаилом Тверским и подкрепленный успехом на Воже, явно не был израсходован до конца), тем не менее 100% мобилизация вряд ли была возможна. На это обстоятельство наводит летописный рассказ о сражении на Суходрови. Русская рать в ней явно была укомплектована собранными наспех «дворовыми» и «городовыми» – теми, кто по тем или иным причинам остался дома, пока основной состав местных ополчений ушел со своими князьями в поход вслед за Василием II против татар. Каков был процент таких оставшихся дома летом 1380 г., точно мы не знаем, но учитывая скорость, с которой была осуществлена мобилизация летом 1380 г., можно предположить, что определенная часть ратных в поход не выступила. Сколько – вопрос интересный. Можно ли попытаться представить, как много оказалось таких «остальцев»? На наш взгляд, если и нельзя точно рассчитать, то, опять же, прикинуть порядок цифр попробовать стоит. С.З. Чернов в своем исследовании отмечал, что за время, прошедшее со 2-й четверти XV по конец столетия, число воинов, которых выставляла волоцкая служилая корпорация, выросло примерно на 40% (Чернов, 1998, с. 310, 315). Вряд ли в остальных землях Великого Владимирского и Московского княжеств этот прирост в то время отличался существенно в большую или меньшую сторону. И если нам известно, что, к примеру, в Полоцком походе Ивана Грозного участвовало почти 5 сотен можаичей, то в конце XIV – нач. XV в. их было около 300. На Суходровь явилась сотня можаичей – выходит, что примерно 1/3 их от общего числа состоявших в корпорации осталась дома, причем остались явно не лучшие

«бояре» – в дальний поход ушли «выборные» воины, те, чья «людность, конность и оружность» отвечала высшим стандартам. И, в таком случае, выведенную нами цифру в 14–15 тыс. всадников можно урезать минимум на 20–25 %, т. е. до примерно 10–12 тыс. «комбатантов» (опять же без учета кошевой и прочей прислуги, которую надо исчислять хотя бы одному прислужнику на каждого конного воина).

Эта цифра (несколько большая, чем мы предполагали в своих предыдущих работах) представляется нам сегодня наиболее соответствующей реалиям того времени еще и по соображениям логистики и тактики. Остановимся подробнее на первом условии. Не так давно молодой исследователь М.А. Несин опубликовал статью, посвященную разбору логистического аспекта кампании 1380 г. (Несин, 2018, с. 70–80). В ней автор пришел к выводу, что применительно ко временам Куликовской битвы «попытки оценить размер тогдашнего войска по обозу ... представляются нерелевантными» (Несин, 2018, с. 72). Анализ выдвинутых им аргументов против «логистической» версии все же не позволяет нам согласиться со столь категоричной оценкой, и вот почему. Прежде всего, отметим, что не выдерживают критики приведенные исследователем аргументы против наличия обоза в русском войске. Приведенные М.А. Несиным примеры, когда русская рать как будто обходилась без него (здесь можно вспомнить еще и хрестоматийное изречение С. Герберштейна (Герберштейн, 2008, с. 243, 247, 249, 401)), представляют как раз тот самый случай, когда речь идет об исключении, только подтверждающем общее правило. Ведь речь в них идет о «лехкой», «изгонной» рати, весь смысл создания которой как раз и заключался в том, чтобы за счет максимального облегчения и избавления от громоздкого и медлительного гужевого обоза добиться максимальной подвижности и маневренности. Наш же случай к таким не относится, и поэтому на него можно смело проецировать ситуацию с кампанией 1377 г. – той самой злосчастной кампанией, когда русские полки «по истине за Пианую пиани». Тогда на походе русские ратники «доспехи свои въскладоша на телеги, а ины в сумы, а у иных сулицы еще и не насажены бяху, а щиты и копия не приготовлены» (Рогожский летописец, 2000, стб. 118). И это, кстати, не единственный такого рода пример – точно также оказались застигнуты врасплох

и не изготовленными к бою, с доспехами и прочим оружием в обозе, полки воеводы князя П.И. Шуйского на р. Уле зимой 1564 г. (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000б, с. 377). И поскольку на Куликово поле шла не «изгонная» рать, а «нормальное» войско, то и с обозом, гужевым и вьючным, у него все было в порядке.

Неизбежность значительного обоза при войске Дмитрия Ивановича проистекает еще и из особенностей самого похода. Значительная часть маршрута русского войска пролегла по рязанским землям, и если на территориях, подвластных московскому князю и его вассалам войско еще могло рассчитывать на поддержку и определенное снабжение со стороны местной администрации, то этого никак нельзя сказать о рязанцах. Последние в лучшем случае придерживались бы нейтралитета, а, скорее всего, памятуя об обычаях войны, местное население разбежалось бы по укрытиям, уводя с собою скот и пряча припасы («как поидет рать, ино хлебы все свозят в города, а сена пожгут» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 2006, с. 130)), так что воины Дмитрия вряд ли могли рассчитывать поживиться чем-либо существенным на рязанских землях. К тому же и сам Дмитрий, если верить Никоновской летописи (а не верить в этом случае ей не стоит), запретил своим воинам брать что-либо у рязанцев («аще кто идет по Рязаньской земле, да никтоже ничемуже коснется, и ничтоже возмет у кого...») (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000а, с. 54)), чтобы не создавать излишних проблем на марше. А в том, что они могли быть, и серьезные, свидетельствует, к примеру, история белевской кампании 1439 г. Тогда полки русских князей, выдвигаясь по своей земле навстречу засевшему в Белеве «казакующему» хану Улуг-Мухаммеду, «все пограбиша оу своего же православнаго христианства и мучаху людеи из добытка и животину бьющее назад себе отсылаху, а ни чим же не розоидяхуся, все грабляхоу и неподобная и скверная деяху» (Никаноровская летопись, 2007, с. 106). Легко представить себе, как вели бы себя ратники Дмитрия Ивановича на рязанской земле, князь которой Олег, давний противник Москвы, по существу, встал на сторону Мамаю. Кстати, этот «славный» обычай «силоного имания» напрямую увязывается с пресловутой «войною»

«кто чего ни попросить» из ярлыка Менгу-Тимура митрополиту Кириллу – натуральной повинностью, которая узаконивала поборы с местного населения в пользу проезжающих мимо войск (Григорьев, 2004, с. 30).

Впрочем, и без запрета войску Дмитрия Ивановича вряд ли стоило полагаться на местные рязанские ресурсы – при тогдашней плотности населения полагаться на принцип «Война кормит войну» было опасно. Несколько сотен или даже тысяч ратников еще могли прокормиться с местности, однако не войско, насчитывающее под два, если не больше, десятка тысяч «едоков», не говоря уже о значительно большем числе лошадей, строевых, выючных и обозных. Здесь также есть серьезная логистическая проблема. Еще раз повторим свой тезис из статьи 2016 г. Применительно к XIV или XV вв. речь не идет о правильно налаженной системе снабжения и регулярной выдаче «пайков» ратным людям и их прислуге, но **необходимо вести речь о некоем ежедневном физиологическом минимуме** (выделено нами – В.П.) для людей и коней (для последних в особенности), без которого войско быстро потеряет боеспособность. И этот провиант ратники должны были везти с собой из расчета хотя бы на дорогу от Коломны до Куликова поля и обратно. Расчеты, произведенные нами, показывают, что для XVI в. дневная «норма» предполагала, что ратник на походе должен был получать примерно 4–4,5 тыс. ккал/сут., минимум же («суровый режим очень скудного питания», по выражению Л.В. Милова) составлял 2,1–2,4 тыс. ккал/сут. (Пенской, 2018, с. 20–21). И в том, что в XIV в. эти «нормы» были действительны, нет никаких сомнений – законы физиологии постоянны для любой эпохи. В условиях же отсутствия централизованного снабжения и запрета на реквизиции все необходимое он должен был неизбежно везти с собой или на телеге (минимум однокопной и с возницей, грузоподъемностью до 300 кг), или на выючной лошади (способной поднять не больше 100 кг).

Не менее сложным был и вопрос о снабжении лошадей фуражом. По самым минимальным расчетам войско, насчитывающее 10–12 тыс. всадников, должно было иметь не меньше чем 30–35 тыс. лошадей, если не больше (исходя из предположения, что на каждого всадника приходились конь боевой, походный и выючный). Между тем расчеты показывают, что при обычном дневном переходе в 35 км

лошади весом 300–350 нужно было дать 30–35 кг хорошей травы в день при условии, что они будут находиться на подножном корму (Калинин, Яковлев, 1961, с. 162, 166). Легко посчитать, сколько травы потребляли бы 30–35 тыс. коней ежедневно и каковы должны были быть площади, на которых можно было бы выпастать такое количество лошадей с условием, что их нужно было утром быстро собрать, оседлать или навьючить и снова двинуться походом дальше. Одним словом, при условии, что войско будет идти одной дорогой (а имеющиеся в нашем распоряжении источники не говорят ничего о том, что рать Дмитрия Ивановича выдвигалась к месту сражения несколькими колоннами по разным дорогам), то возможности ее обеспечения провиантом и фуражом на марше и налагают естественные ограничения на численность войска, которое никак в таком случае не могло быть «тьмочисленным».

И последний аспект, который косвенно подтверждает наши расчеты – тактический. Мы не сомневаемся в том, что русское войско делилось на поле битвы на вполне традиционные центр, правое и левое крылья – это деление устоявшееся и повсеместно распространенное. Однако вместе с тем мы сомневаемся в том, что картина, описанная в том же «Сказании о Мамаевом побоище», согласно которому рать Дмитрия Ивановича была поделена на «титульные» (термин О.А. Курбатова) полки правой и левой рук, передовой и великокняжеский (Памятник Куликовского цикла, 1998, с. 159), действительно имела место. Такое деление окончательно утвердилось, судя по всему, лишь в середине XVI в., и его использование для более ранних времен выглядит явным анахронизмом.

Взяв за основу 3-частный боевой порядок русского войска, попробуем определить его структуру. Сама по себе конная схватка в те времена состояла из череды атак и отступлений с целью привести себя в порядок и снова атаковать (применительно к нашей эпохе косвенно на это указывают отдельные оговорки в источниках (см., например: Памятники Куликовского цикла, с. 78; Псковская 1-я летопись, 2003, с. 20; Софийская первая летопись, 1851, с. 268), а это, в свою очередь, предполагало, что и само войско будет выстроено в несколько линий. Сколько линий могло быть в боевом построении армии? Император Никифор Фока в конце X в. рекомендовал выстраивать конное войско в три линии, причем линия

от линии, по его совету, должна была отстоять на полет стрелы, а сами линии разделены на отряды, расставленные с таким расчетом, чтобы в интервалы между этими отрядами могли свободно проходить отряды других линий боевого порядка (Фока, 2006, с. 27, 31, 32). Любопытный факт – император также рекомендовал выделить отдельно передовую завесу из отрядов прокурсаторов, в задачу которых входила завязка боя, в сказаниях же Куликовского цикла эту же роль выполняют «сторожевые» «полки» русские (Памятники Куликовского цикла, 1998, с. 37).

Несколько линий боевого порядка, разделенных на отдельные отряды, рекомендует иметь в составе конного войска и эмир Тимур в своем «Уложении» (а это наставление по времени создания практически совпадает с Куликовской битвой), причем Тимур предписывает своим военачальникам наращивать силу удара из глубины боевого построения и маневрировать отдельными частями боевого порядка в ходе битвы (Тимур, 2006, с. 408–410).

Сравнивая тактические приемы, описываемые Никифором Фокой и Тимуром, нетрудно заметить, что в общем и в целом они схожи, хотя их и разделяет пять веков, и нет причин полагать, что русские воеводы действовали бы на поле боя иначе, чем византийцы или ордынцы. Следовательно, боевое построение русских полков неизбежно должно было отвечать таким же требованиям, какие были изложены в этих «уставах». С учетом того, что войско Дмитрия Ивановича для обеспечения необходимого пространства для маневра отдельных его частей должно было быть разрежено равно как в глубину, так и по фронту, то на том Куликовом поле, местонахождение которого достаточно надежно обосновывается археологами (Бурова, 2003, с. 44; Гласко, Сычева, 2003, с. 20), места для «тёмночисленной» рати просто не остается.

Подведем общий итог. Те сведения, которыми мы располагаем на настоящий момент относительно структуры русских ратей конца XIV – начала XV вв., их тактики, организации снабжения и собственно особенностей подготовки и проведения кампании 1380 г., при критическом анализе информации, содержащейся в произведениях Куликовского цикла, равно как летописных, так и литературных, позволяют нам с высокой степенью уверенности утверждать, что общая численность русского войска, которое Дмитрий Иванович

привел на Куликово поле, составляла порядка 10–12 тыс. конных воинов (без учета обозной и иной прислуги) максимум (при этом часть из них могла действовать в сражении в спешном строю). Все остальные оценки ее численности выше этого предела представляются нам нереальными.

Отметим, что по тем временам это была действительно огромная армия – для сравнения, по современным оценкам, в сражении при Креси в 1346 г. принимало участие с английской стороны примерно 6 тыс. воинов (в т. ч. примерно 2,5 тыс. конных латников) или несколько больше, а с французской – 20–25 тыс. воинов, в т. ч. до 12 тыс. рыцарей и конных сержантов и 6 тыс. наемных арбалетчиков (Ayton, 2005, p. 168; Sumption, 1990, p. 526). В другой, не менее значимой по масштабам и последствиям битве при Пуатье в 1356 г. англичане имели примерно 6–7 тыс. воинов, а французы – около 11, в т. ч. 8 тыс. конных латников и 3 тыс. пехотинцев (Sumption, 1999, p. 225, 235). Наконец, в битве при Азенкуре в 1415 г. английская армия численностью (по расчетам британского историка Э. Карри) 9–9,5 тыс. чел. (в т. ч. несколько больше 1,5 тыс. конных латников) разбила французскую армию, имевшую в строю 12–14 тыс. бойцов, в т. ч. 8–9 тыс. конных латников (Ciggy, 2005, p. 70–71, 113–114, 131, 185–187). Согласимся с тем, что при сходстве общих принципов мобилизации воинов и комплектования полевых армий короли Франции в сер. XIV – нач. XV вв. могли набрать войско существенно больше, чем Дмитрий Иванович уже по той простой причине, что Франция была более многолюдной страной, нежели Северо-Восточная Русь в те же десятилетия. И когда автор «Задонщины» и составители т. н. «Синодика Успенского собора» сообщают о том, что в ходе сражения пало 11 русских воевод и несколько сот «бояр» (от 400 до 500) – тех самых конных латников, хорошо обученных и подготовленных, и, видимо, не меньшее (если не большее) число их послужильцев-«сержантов», то это была действительно очень серьезная потеря. Для сравнения – в 1407 г. псковская рать (вся «власть, опроче пригородов») потерпели поражение от ливонцев на Лозоговичском поле, потеряв побитыми 700 чел., 3-х посадников, «боляр много и сельских людей много избиша», причем летописец, сообщая эту печальную весть, сравнил это побоище с Ледовым и с Раковорской битвой (Псковская 1-я летопись, 2003, с. 31).

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев С.Н. Численность и состав войск на Куликово поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4(62). С. 23–29.

Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV – XVI вв.. Переяславский уезд // Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история России XV – XVI вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2019. С. 21–264.

Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2010. 384 с.

Баиов А.К. Курс истории русского военного искусства. Вып. 1 От начала Руси до Петра Великого. СПб.: Тип. Г. Скачкова, 1909. 159 с.

Булычев А.А. Живые и мертвые // Родина. 2010. № 8. С. 8–14.

Бурова О.В. Принципы и научно-методические подходы по восстановлению лесов Куликовского поля // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В двух томах. Т. I. Тула: Тульский полиграфист, 2003. С. 36–47.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 583 с.

Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М.: Наука, 1978. 343 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

Гласко М.П., Сычева С.А. Ландшафты места Донского побоища // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В двух томах. Т. I. Тула: Тульский полиграфист, 2003. С. 7–22.

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 276 с.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М.: Экопрос, 1992. 336 с.

Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.

Журавель А.В. Два сражения за поле Куликово – реальное и книжное // Преподавание истории в школе. 2016. № 1. С. 24–28.

Калинин В.И., Яковлев А.А. Коневодство. М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1961. 271 с.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 138 с.

Кистерев С.Н. Рубль Северо-Восточной Руси до начала XV века // Очерки феодальной России. Вып. 3. / Под ред. С.Н. Кистерева. М.: УРСС, 1999. С. 31–84.

Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 3–21.

Литовская Метрика. Отдел первый. Часть третья. Книги публичных дел. Переписи войска Литовского // Русская историческая библиотека. Т. XXXIII. Петроград: Тип. Главного управления уделов, 1915. 1378 стб.

Несин М.А. К вопросу о логистике Куликова поля // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 70–80.

Памятники Куликовского цикла/ Гл. ред. Б. А. Рыбаков. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. 410 с.

Пенской В.В. О численности войска Дмитрия Ивановича на Куликовом поле // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 157–162.

Пенской В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 85–106.

Пенской В.В. Логистика в войнах Русского государства 2-й половины XV–XVI вв. // Новое прошлое. 2016. № 3. С. 68–84.

Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. 354 с.

Петров А.Е. Куликово поле в исторической памяти: формировании и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 22–30.

Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

Полное собрание русских летописей Т. XV. Рогожский летописец. М.: Языки русской культуры, 2000. 186 стб.

Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.

Полное собрание русских летописей. Псковская третья летопись. Окончание 2-го Архивского списка Т. V. Вып. 2. М.: Языки славянской культуры, 2000. 368 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVII вв. Л.: Наука, 1982. С. 17–103.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские и Софийские летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. С. 81–275.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Псковская первая летопись. М.: Языки славянской культуры, 2003. 256 с.

Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись М.: Языки славянской культуры, 2004. 256 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. Никаноровская летопись // М.: Языки славянских культур, 2007. С. 17–136.

Полное собрание русских летописей. Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 305 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551-1561 гг.) / сост.: Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. 391 с.

Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.

Разин Е.А. История военного искусства. Т.2. История военного искусства VI – XVI вв. СПб.: Полигон, 1999. 656 с

Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле. М.: Квадрига, 2008. 88 с.

Рыбаков Б.А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV вв.: в 2 ч. Ч. 1. / Отв. ред. А.В. Арциховский. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 348-388.

Селезнев Ю.В. К вопросу о количестве населения и мобилизационном потенциале Руси в конце XIV – начале XV вв. (к постановке проблемы) // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2007. № 1. С. 200-206.

Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. 421 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. II. М.: Мысль, 1988. С. 7–342.

Стратегика Никифора II Фоки / пер. и комм. А. К. Нефёдкина. СПб.: Алетейя, 2005. 105 с.

Тамерлан. Автобиография. Уложение. М.: Эксмо, 2006. 512 с.

Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII – XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV – XV вв. М.: Московский рабочий, 1992. 318 с.

Уваров Д.И. Битва при Креси (1346 г.) и военное дело первой фазы Столетней войны (1337-1347 гг.) // Воин. 2003. № 14. С. 23–39.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд.-во социально-экономической литературы, 1960. 899 с.

Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: Институт археологии РАН, 1998. 544 с.

Шеков А.В. Рассказ о сражении на Дону 1380 г. в Белорусской I летописи // Верхнее Подонье: природа, археология, история. Т. II. / Отв. ред. А. Н. Наумов Тула: ООО Риф «ИНФРА», 2004. С. 13–23.

«...и бе их столько, еже несть числа»: сколько воинов воевало в Русской армии в XVI в. ? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 45–150.

Ayton A. The English Army at Crecy // Ayton A., Preston Ph. Et al The Battle of Crésy, 1346. Woodbridge: The Boydell Press, 2005. P. 159–251.

Curry A. Agincourt: A New History. Stroud: Tempus Publishing, 2005. 319 p.

Keep J.L.H. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462-1874. Oxford: Oxford University Press, 1985. 432 p.

Sumption J. The Hundred Years War. T. I. Trial by Battle. London-Boston: Faber and Faber, 1990. 659 p.

Sumption J. The Hundred Years War. T. II. Trial by Fire. London: Faber and Faber, 1999. 680 p.

Информация об авторе:

Пенской Виталий Викторович, Белгородский государственный университет (г. Белгород, Россия), penskoy@bsu.edu.ru

REFERENCES

Azbelev, S.N. 2015. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. (Ancient Russia. Issues of Medieval Studies.)* 62 (4), 23–29 (in Russian).

Alekseev, Yu.G. 2019. *Agrarnaya i social'naya istoriya Severo-Vostochnoj Rusi XV–XVI vv. Pereyaslavskij uezd (Agrarian and Social History of North-Eastern Russia in the 15th - 16th Centuries. Pereyaslavsky District)* In Alekseev Yu.G. *Agrarnaya i social'naya istoriya Rossii XV – XVI vv. (Agrarian and Social History of Russia in the 15th - 16th Centuries)* Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 21–264. (in Russian).

Amel'kin, A.O., Seleznev, Yu.V. 2010. *Kulikovskaya bitva v svidetel'stvah sovremennikov i pamyati potomkov (The Battle of Kulikovo in the Testimonies of Contemporaries and the Memory of Descendants)*. Moscow: "Kvadriga" Publ. (in Russian).

Baiov, A. K. 1909. *Kurs istorii russkogo voennogo iskusstva. Ot nachala Rusi do Petra Velikogo (Study Course on the History of Russian Military Art. Issue 1 From the Origination of Russia to Peter the Great)*. Saint Petersburg: Tip. G. Skachkova (in Russian).

Bulychev, A.A. 2010. In *Rodina (Homeland)* 8, 8–14. (in Russian).

Burova, O.V. 2003. In *Kulikovo pole. Istoricheskii landshaft. Priroda. Arkheologiya. Istoriya. (Kulikovo Field. Historical Landscape. Nature. Archaeology. History)* I. Tula: "Tul'skii poligrafist" Publ., 36-47 (in Russian).

Veselovskii, S. B. 1969. *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev (Studies on the History of the Servicemen Landlord Class)*. M.: "Nauka" Publ. (in Russian).

Veselovskii, S.B. 1978. *Trudy po istochnikovedeniyu i istorii Rossii perioda feodalizma (Works on the Study of the Sources and History of Russia in the Period of Feudalism)*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).

Gerbershtein, S. 2008. *Zapiski o Moskovii (Notes on Muscovy)* I. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ. (in Russian).

Glasko, M. P., Sycheva, S. A 2003. In *Kulikovo pole. Istoricheskii landshaft. Priroda. Arkheologiya. Istoriya. (Kulikovo Field. Historical Landscape. Nature. Archaeology. History)* I. Tula: "Tul'skii poligrafist" Publ., 7–22 (in Russian).

Gorskii, A.A. 2004. *Rus': Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo carstva (Rus': From Slavic Settlement to Muscovy)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Grigor'ev, A. P. 2004. *Sbornik hanskikh yarlykov russkim mitropolitam (Collection of Khan's Labels for Russian Metropolitans)*. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of the St. Petersburg State Universit (in Russian).

Gumilev, L. N. 1992. *Ot Rusi k Rossii. Ocherki etnicheskoi istorii (From Rus to Russia. Essays on Ethnic History)*. Moscow: "Ekopros" Publ. (in Russian).

- Danilevskii, I. N. 2001. *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII – XIV vv.) (Russian Lands Through the Eyes of Contemporaries and Descendants (12th – 14th cc. centuries))*. Moscow: “Aspekt Press” Publ. (in Russian).
- Zhuravel', A. V. 2016. In *Prepodavanie istorii v shkole (Teaching History at Schools)* 1, 24–28 (in Russian).
- Kalinin, V. I., Yakovlev, A. A. 1961. *Konevodstvo (Horse Breeding)*. Moscow: “Gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skohozyajstvennoj literatury” Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv (Military Arts of Rus in the 13th –15th cc.)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kisterev, S. N. 1999. In Kisterev, S. N. (ed.). *Ocherki feodal'noj Rossii. (Essays on Feudal Russia)* 3. Moscow: URSS., 31–84. (in Russian).
- Kuchkin, V.A. 1980. In *Voprosy istorii (Issues of History)* 8. 3–21. (in Russian).
1915. *Litovskaia Metrika. Otdel pervyi.. Chast' tret'ya. Knigi publichnykh del. Perepisi voiska Litovskogo (Lithuanian Metrics. Section One. Part Three. Public Affairs Books. Census of the Lithuanian Army) In Russkaya istoricheskaya biblioteka (Russian Historical Library)* XXXIII. Petrograd: Tip. Glavnogo upravleniya udelov (in Russian).
- Nesin, M.A. 2018. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* 28 (1), 70–80 (in Russian).
- Rybakov, B. A. (ed.-in-chief) *Pamyatniki Kulikovskogo cikla (Literary Monuments of the Kulikovo Field Battle)* 1998. Saint Petersburg: Russko-Baltiiskii informacionnyi centr BLIC. (in Russian)
- Penskoi, V. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 157–162 (in Russian).
- Penskoi, V.V. 2016. In *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki (History of Military Art: Studies and Sources)* VIII. 85–106. (in Russian).
- Penskoi, V. V. 2016. In *Novoe proshloe /The New Past.* 3, 68–84. (in Russian).
- Penskoi, V.V. 2018. *Voennoe delo Moskovskogo gosudarstva. Ot Vasiliya Temnogo do Mihaila Romanova. Vtoraya polovina XV – nachalo XVII v. (Warfare of the Moscow State. From Vasily the Blind to Mikhail Romanov. Second Half of 15th - Early 17th cc.)* Moscow: “Centropoligraf” Publ. (in Russian).
- Petrov, A. E. 2003. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki (Ancient Russia. Issues of Medieval Studies)* 3 (13), 22–30 (in Russian).
- Novgorodskaiia chetvertaia letopis' (Novgorod Fourth Chronicle) 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* IV. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Rogozhskii letopisets. (Rogozhskoe Chronicle) 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* XV. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Simeonovskaia letopis' (The Simeon Chronicles) 2007. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* XVIII. Moscow: “Znak” Publ. (in Russian).
- Pskovskaia tret'ia letopis'. Okonchanie 2-go Arhivskogo spiska (Pskov 3rd Chronicles. End of the 2nd Archive List) in Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* V. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Ustyuzhskie i Vologodskie letopis XVI-XVII vv. (Ustyug and Vologda Chronicle, 16th – 17th cc.)*. 1982. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 37. Leningrad: “Nauka” Publ., 17–103 (in Russian).
- Pskovskie i Sofijskie letopisi (Pskov and Sofia Chronicle, 1851. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 5. Leningrad: “Nauka” Publ., 81–275 (in Russian).
- Pskovskaia pervaiia letopis' (Pskov 1st Chronicle) 2003. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* V . Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
2001. *Sofijskaia vtoraiia letopis' (Sophia's second Chronicle) 2. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* VI. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Letopisniy sbornik, imenuemiy Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu (Collection of Chronicles known as the Patriarch's or Nikon Chronicle)*. 2000. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* I. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
- Letopisniy sbornik, imenuemiy Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu (Collection of Chronicles known as the Patriarch's or Nikon Chronicle)*. 2000. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* XIII. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).

Novgorodskaja letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo (Novgorod Chronicle according to the list of P.P. Dubrovsky) 2004. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XLIII. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Ermolinskaya letopis' (Ermolinskaya chronicle) 2004. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XXIII. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka (Moscow annalistic collection of the late 15th century) 2004. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XXV. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Nikanorovskaia letopis' (Nikanorovskaya chronicle) 2004. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XXVII. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Letopisi belorussko-litovskie (Belarusian-Lithuanian chronicles) 1980. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 35. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mustafina, D. A., Trepalova, V. V. (eds.). 2006. *Posol'skie knigi po sviaziam Rossii s Nogaiskoi Ordoi (1551-1561 gg. (Ambassadorial Books on Russia's relations with the Nogai Horde (1551-1561))*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Pochekaev, R. Yu. 2010. *Mamai. Istoriya «antigeroya» v istorii (Mamai. The History of the "antihero" in history)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

Razin, E. A. 1999. *Istoriia voennogo iskusstva. 2. Istoriya voennogo iskusstva VI – XVI vv. (History of Military Art. 2. History of Military Art of the 6th - 16th cc.)*. Saint Petersburg: "Poligon" Publ. (in Russian).

Relikvii Donskogo poboishcha. Nahodki na Kulikovom pole (Relics of the Don Battle. Finds at the Kulikovo Field) 2008. Moscow: Kvadriga Publ., 88. (in Russian).

Rybakov, B. A. 1969. In Artsikhovskii, A. V. (ed.). *Ocherki russkoi kul'tury XIII–XV vv.: v 2 ch. (Essays on the Russian Culture of 13th–15th centuries: in two parts)* 1. Moscow: Moscow State University Publ., 348–388 (in Russian).

Seleznev, Yu.V. 2007. In *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokih tekhnologii (Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies)* 1, 200–206 (in Russian).

Skazaniya i povesti o Kulikovskoj bitve (Legends and Stories about the Kulikovo Battle) 1982. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Solov'ev, S. M. 1988. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen (History of Russia since Ancient Times)*. 3 In Solov'ev, S. M. *Sochineniia v vosemnadcati knigah (Writings in Eighteen Books)*. II. Moscow: "Mysl" Publ., 7–342. (in Russian).

Nefyodkin, A. K. 2005. (ed.). *Strategika Nikifona II Foki (Strategica by Nikephoros II Phokas)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Tamerlan 2006. *Avtobiografiya. Ulozhenie (Autobiography. Code)*. Moscow: "Eksmo" Publ. (in Russian).

Tikhomirov, M. N. 1992. *Drevnyaya Moskva XII – XV vv. Srednevekovaya Rossiya na mezhdunarodnykh putyakh XIV – XV vv. (Ancient Moscow of the 12th – 15th cc. Medieval Russia on the International Routes of the 14th – 15th cc.)*. Moscow: "Moskovskii rabochii" Publ. (in Russian).

Uvarov, D.I. 2003. In *Voin (Warrior)* 14, 23–39. (in Russian).

Cherepnin, L.V. 1960. *Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV – XV vekah. Ocherki social'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi (Formation of the Russian Centralized State in the 14th – 15th Centuries. Essays on the Socio-Economic and Political History of Russia)*. Moscow: Izd.-vo social'no-ekonomicheskoi literatury Publ., 899 (in Russian).

Chernov, S. Z. 1998. *Volok Lamskii v XIV – pervoi polovine XVI v. Struktury zemlevladieniia i formirovanie voenno-sluzhiloi korporatsii (Volog Lamsky in the 14th - first half of the 16th cc. Land Tenure Structures and the Formation of a Military Service Corporation)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Shekov, A. V. 2004. In Naumov, A. N. (ed.). *Verhnee Podon'e: priroda, arkheologiia, istoriia (The Upper Don Region: Nature, Archaeology, History)* 2. Tula: Rif "INFRA" LTD, 13–23 (in Russian)

«...i be ih stol'ko, ezhe nest' chisla»: skol'ko voinov voevalo v Russkoj armii v XVI v. ? («... and there are not so many of them, there are innumerable»: how many soldiers fought in the Russian army in the 16th century?) 2009 In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1/2 (5/6). 45–150. (in Russian).

Ayton, A. 2005. In Ayton A., Preston Ph. Et al *The Battle of Crécy, 1346*. Woodbridge: The Boydell Press, 159–251 (in English).

Curry, A. 2005. *Agincourt: A New History*. Stroud: Tempus Publishing (in English).

Keep, J.L.H. 1985. *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462-1874*. Oxford: Oxford University Press (in English).

Sumption, J. 1990. *The Hundred Years War*. T. I. Trial by Battle. London-Boston: Faber and Faber.

Sumption, J. 1999. *The Hundred Years War*. T. II. Trial by Fire. London: Faber and Faber.

About the Author:

Penskoy Vitaly V. Belgorod State University. Pobedy, Str. 85, Belgorod, 308015, Russian Federation; penskoy@bsu.edu.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.